

Мартинovich Г. А. О русской ментальности в современной поэзии // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: Сборник трудов международной научной конференции, Тверь, 2 - 3 ноября 2010 г. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2010. – Вып. 1 (7). – С. 91 – 108.

В современной русской лингвистике принято различать «менталитет» и «ментальность», явления, несомненно, взаимосвязанные, но и различные в одно и то же время. Если не останавливаться на подробностях, то можно сказать, что «менталитет» ближе к **мировоззрению**, то есть к тем или иным философским взглядам, тогда как «ментальность» ближе к **миросозерцанию**, то есть к обыденному, повседневному бытовому, наивному и т. п. сознанию.

В последние годы большое внимание изучению русской ментальности уделяет профессор СПбГУ В. В. Колесов, который дает два ее определения.

Более раннее. Ментальность – это «миросозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях»¹.

Более позднее. «Национальный способ выражения и восприятия мира, общества и человека в формах и категориях родного языка, способность истолковывать явления как их сущности и соответственно этому действовать в определенной обстановке – это и есть **ментальность**»².

Во втором определении акцент переносится от миросозерцательного характера ментальности к ее деятельностному характеру.

Однако в любом случае есть все основания говорить, с одной стороны, о том, что ментальность («дух народа», бытовое сознание, языковая картина

---

¹ Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб, 2004. С. 15. В дальнейшем мы будем ориентироваться на разработку проблемы ментальности В. В. Колесовым.

² Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб, 2007. С. 13.

мира и т. п.)³. в значительной мере (хотя, конечно, и не единственно) формируется под влиянием того или иного национального языка, с другой – о том, что сама ментальность также в значительной степени проявляется в языке народа, в его речи, и прежде всего – в обыденной речи и словесных х у д о ж е с т в е н н ы х произведениях. С особой же силой – в Поэзии. В настоящем исследовании речь пойдёт о проявлении русской ментальности и «духа русского народа» в современной русской поэзии⁴.

Стихотворные произведения, как хорошо известно, бывают разные. Умелых версификаций (даже очень высокого уровня) мы имеем предостаточно. «Версификаций», пропитанных истинной Поэзией (врождённым особым (собственно поэтическим, ср., например, с музыкальным и др.) чувством бытия, особым отношением к действительности, особым переживанием ее и т. п., не подлежащим рациональному определению) значительно меньше. Но вот произведений, в которых **талантливо** воплощается ещё и истинный дух русского языка и народа, можно найти не так уж много – истинное искусство всегда элитарно. Но это произведения высшего класса, и именно они состав-

---

³ Еще в 30-е годы XIX в. Вильгельм фон Гумбольдт писал: «Духовное своеобразие и строение языка народа пребывают в столь тесном слиянии друг с другом, что коль скоро существует одно, то из этого обязательно должно вытекать другое. В самом деле, умственная деятельность и язык допускают и вызывают к жизни только такие формы, которые удовлетворяют их запросам. Язык есть как бы внешнее проявление духа народов; язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное». Вильгельм фон Гумбольдт. О различии строения языков и его влияние на человечество // Вильгельм фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. – С. 68.

⁴ В 1834 г. Н. В. Гоголь писал о А. С. Пушкине: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа... В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла». Гоголь Н. В. Несколько слов о Пушкине // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937—1952. Т. 8. Статьи. 1952. – С. 50 – 51.

ляют «золотой фонд» русской поэзии. Достаточно показательным в этом отношении, по нашему мнению, может быть рассмотрение проявления «духа языка» в произведениях разных поэтов-современников. Для решения данной задачи были выбраны два цикла стихотворений на одну тему («осень») известных и весьма авторитетных поэтов – Олега Горшкова и Михаила Гофайзена.

Олег Горшков – «Так осень возвращается». Этот цикл впоследствии был разделен автором на два отдельных произведения

«Так осень возвращается»

(03.08.2009 http://rifma.ru/rifma.php?curr_node=10&post=422084)

«Словарь тишины»

(15.11.2009 http://rifma.ru/rifma.php?curr_node=10&post=423536)

Михаил Гофайзен – «Осенние мозаики»

(14.08.2007 http://rifma.ru/rifma.php?curr_node=10&post=406714)

Олег Горшков

Михаил Гофайзен

Так осень возвращается

Осенние мозаики

Словарь тишины

Обученье осенним, чужим до поры языкам,
что казались бессвязней любой **тарабарщины**
темной,
начинаешь с азов, и доверившись их знатокам

я люблю и сильнее и больнее
этот вкус этот свет до износа
когда с проса раскосый борей
обрывает последние росы

–
облетающим скверам, всё слушаешь, как не-
уемно
словарем тишины шелестит безымянный **лин-
гвист**,
утверждая, что жизнь с этой поздней внезап-
ной науки
начинается сызнава, падает яблоком в руки
и горит на ладони, как ветром оброненный
лист.

запах елей и тленья елей
еле-еле у самого края
пелену бесноватых полей
алкоголем лесным насыщает

Вот тогда и не сможешь с неясной тоской сов-
ладать –
домовитая тьма завладеет дуплом и сквореш-
ней,

из запоя змея-колея
под колёсами выйдет на трассе
где трясётся шалаш бытия
от страстей человеческой расы

где юля да посулы суля
от меня ускользнёт без сомне-
нья

и почувствуешь блажь проговаривать осень неспешно,
принимать всё, как есть, повторяя усердно слова,
что почти нараспев **местечковым бубнит мудрецом**
растрепавшийся вяз, и ветвистая повесть всё длится,
всё **лукавит**, что был сам себе посторонним лицом,
чьи немые стихи тоже сплошь посторонние лица...

Так осень возвращается

Так осень возвращается, разъяв тебя и всё, что есть в тебе живого,
на стебли рыжевато-серых трав со всем их муравьиным и сверчковым,
редеющим насельничеством, на тенета паутинные в **чердачно-чуланной тьме**, связавшей времена в забвенье (там, бессмертной молью трачен,
пылится бог покинутых вещей),
на пузырьки шипучки аспириновой,
на шелест листьев, дух горячих щей,
на каждый малый выдох ветра в спину бегущей жизни... Скверам скоро тлеть непостижимо праздно и беспечно,
и всё, что существует на земле, вновь обретет телесность человечью,
и будешь ты рассеян – не в одном, во всех своих двенадцати коленях,
став хлебом причащенья и вином – как существо и сущность, часть вселенной
и целое её, – в какой бы там ты ни был образован воздух, запах...
И ветер, размешав осенний хлам, вновь сотворит сполна тебя из праха.

смертоносная птица-земля вероломно сменив оперенье

звук проскользнул сквозь закрытые ставни
слышится дождь-шелкопряд шелестит
будто бы кровь обращается в камни
будто псалмы напевает давид

слух обострён хоть отсутствует зренье
слышится будто бессменный консьерж
следствий с причинами путает звенья
с сонным бессмертьем играя в шешбеш

не мотыльки ли слетелись на площадь
голубь ли сбился без света с пути
флюгер-пичужка спасенье на ощупь ищет стараясь с ума не сойти

слышится шаг или шарф терпсихоры
в жёлтой чернильнице желчный зоил
ищет слова о душе и декоре
что свою службу душе отслужил

будет эхо моё не моё
по осенней скитаться делянке
оставляя жильё и жнивье
саламандрам багряной беглянки

«со стола» не подняться «за стол»
где вращаются пагубы оси
диск луны ни один дискобол
до разбитых судеб не добросит

отзвенел восклицательный знак
то ли точка внизу то ли пуля

то ли бьётся сквозь рёбра маяк
кораблям что во мгле затонули

это время ползком да тишком -
плоть от плоти затихшей морзянки
-
расплатилось по полной с песком
за рожденье в запаянной склянке

В книге «Язык и ментальность» В. В. Колесов приводит основные признаки русской ментальности в языке и философской модели русской ментальности⁵. В данном случае отметим лишь два из них, наиболее, как нам представляется, характерные для рассматриваемых поэтических произведений.

«В центре русской грамматики находится не имя, выражающее устойчивое понятие, а глагол, обозначающий в высказывании действие и в предикате выражающий то новое, что несёт в себе мысль. Именно с глагольных основ снимаются отвлеченные значения новых слов и создаются новые имена типа *мышление* или *действие...*»⁶.

«Качество воспринимается как основная категория в характеристике вещного мира; качество, а не количество привлекает законченностью и разнообразием радужных форм; через п р и з н а к выявляется каждое новое качество, привлекающие внимание своей неповторимостью; отвлеченные имена также образуются с помощью адъективных основ...»⁷.

К этому можно добавить, что наиболее ярко национальный дух языка проявляется в лексике и идиоматике (в широком смысле), во внутренней

---

⁵ Колесов В. В. Язык и ментальность. С. 24 – 39.

⁶ Там же. С. 25.

⁷ Там же. С. 26.

форме слов и мотивированных фразеологизмах, в их своеобразных коннотациях разного рода, особенностях употребления и т. д.⁸.

В связи со сказанным основное внимание в нашем исследовании будет уделено изучению лексического материала – знаменательных полнозначных слов.

Количество лексем и их употреблений в стихотворениях двух авторов приблизительно равны: у О. Горшкова 136 – 148, у М. Гофайзена 145 – 153. Примечательно, что совпадающими в их стихотворениях оказались только 4 лексемы: *время, запах, осенний, слово*.

Соотношение лексем и их употреблений разных частей речи у О. Горшкова см. в табл. 1⁹.

Таблица 1

Части речи	п	%	N	%
Существительные	59	43	67	45
Прилагательные и причастия	34	25	36	24
Глаголы и деепричастия	28	21	29	20
Наречия	15	11	16	11
Категория состояния	0	0	0	0
Всего	136	100	148	100

Соотношение лексем и их употреблений разных частей речи у М. Гофайзена см. в табл. 2.

Таблица 2

Части речи	п	%	N	%
Существительные	86	59	91	59
Прилагательные и причастия	19	13	19	12

⁸ Рассмотрению этих и смежных проблем В. В. Колесовым посвящена специальная монография. См.: Колесов В. В. Философия русского слова. СПб. 2002.

⁹ п – количество лексем, N – количество употреблений лексем в разных формах. Приложения (*дождь-шелкопряд, птица-земля* и т. п.) подсчитывались как самостоятельные лексеммы.

Глаголы и деепричастия	32	22	35	23
Наречия	8	6	8	5
Категория состояния	0	0	0	0
Всего	145	100	153	100

Из данных таблиц 1 и 2 видно, что процентное содержание глаголов и их употреблений у обоих поэтов примерно одинаковое: у О. Горшков – $n = 21\%$, $N = 20\%$, у М. Гофайзена – $n = 22\%$, $N = 23\%$. Процентное содержание существительных и их употреблений у М. Гофайзена заметно выше: у О. Горшков – $n = 43\%$, $N = 45\%$, у М. Гофайзена – $n = 59\%$, $N = 59\%$. Процентное же содержание прилагательных и наречий заметно выше у О. Горшкова. Прилагательных у О. Горшков – $n = 25\%$, $N = 24\%$, у М. Гофайзена – $n = 13\%$, $N = 12\%$. Наречий О. Горшков – $n = 11\%$, $N = 11\%$, у М. Гофайзена – $n = 6\%$, $N = 5\%$.

Коэффициент разнообразия ($K_p = n/N$) полнозначной лексики у О. Горшкова – 0,91, у М. Гофайзена – 0,95.

Весьма незначительное различие K_p обусловлено несколько большим количеством повторяющихся наименований у О. Горшкова.

У Горшкова: *Ветер* 3, *вновь, есть* ('иметься'), *жизнь, лист, лицо, осенний, осень, посторонний, сквер, тьма* 2.

У Гофайзена: *Слышаться* 3, *душа, ель, искать, плоть, свет* ('освещение'), *стол* 2.

Исходя из положения о том, что «в центре русской грамматики находится не имя, выражающее устойчивое понятие, а глагол...», представляется целесообразным проследить, какие и как употребляются глаголы у того и другого поэта.

Глаголы у О. Горшкова ($n = 28$, $N = 29$): *возвращаться* 3, *есть* ('иметься'), *начинаться* 2, *бубнить, гореть, длиться, довериться, завладеть, лукавить, обрести, падать, повторять, почувствовать, принимать, проговаривать, пылиться, размешать, разъять, слушать, смочь, совладать, сотворить, стать, существовать, тлеть, утверждать, шелестеть* 1. Из них

в форме деепричастия (выражающего дополнительную предикативность) пять слов: *повторяя, размешав, разъяв, став, утверждая* 1.

Отглагольные отвлеченные существительные. *Жизнь* 2, *блажь, забвенье, запах, обученье, шелест* 1. Восемь разных существительных. Из них *жизнь* встречается два раза. Всего 7 употреблений.

Глаголы у М. Гофайзена (n = 32, N = 35): *слышаться* 3, *искать* 2, *биться, вращаться, выйти, добросить, затонуть, играть, любить, напевать, насыщать, обращаться, обрываться, оставлять, отзвенеть, отслужить, отсутствовать, подняться, проскользнуть, путать, расплатиться, сбиться, скитаться, слетелись, сменить, сойти, стараться, сулить, трястись, ускользнуть, шелестеть, юлить* 1. Из них в форме деепричастия шесть слов: *играя, оставляя, сменив, стараясь, суля, юля* 1.

Отглагольные отвлеченные существительные. *Запой, звук, зренье, износ, (на) ощупь, пагуба, посулы, рожденье, служба, спасенье, тленье* 1. Десять разных существительных, употребленных по одному разу. Одно из них (*ощупь*) употребляется только в наречном словосочетании *на ощупь*.

Показательным у О. Горшкова является употребление форм 2 лица, единственного числа, несовершенного вида, настоящего-будущего времени в **обобщенном** значении: *обученье начинаешь с азов, всё слушаешь, не сможешь с неясной тоской совладать, почувствуешь блажь; будешь ты рассеян...* Используются эти формы исключительно для обозначения действий лирического героя (далее – ЛГ). И этот факт, по нашему, мнению весьма примечателен. Он свидетельствует об отражении в стихотворениях О. Горшкова извечной соборности (противопоставляемой, обычно, западному индивидуализму) русского народа, когда не мыслили, размышляли и т. п. поодиночке, а **всем миром** «думы думали»¹⁰. Так и ЛГ О. Горшкова свою осеннюю думу думает **вместе с автором и читателями**.

¹⁰ «Особое место занимает в русском сознании категория «соборность». Это органически внутреннее единение людей на основе свободно осознанного качественного отношения («любви») по общности духа. Поскольку ум эгоцентричен, а душа соборна, по-

Всего – 6 глаголов.

Остальные глагольные формы употребляются для обозначения действий других субъектов: (*обученье языкам*) что казались бессвязней (*тарабарщины*); шелестит лингвист; жизнь начинается... падает... горит; (*принимать всё*) как [*оно] есть; тьма завладеет; бубнит вяз; повесть длится... лукавит; осень возвращается; (*всё*) что есть (*живого*); пылится бог; (*всё*) что существует (*на земле*); всё... обретет (*телесность*); ветер... сотворит (*тебя*).

Всего – 13 предикативных групп, то есть 13 суждений.

Отметим также: 1) Инфинитив в функции несогласованного определения – блажь проговаривать, принимать (*почувствуешь блажь проговаривать осень неспешно, принимать всё*); 2) Быть в функции отвлеченной связки – что был посторонним лицом (*повесть... лукавит, что [*ты] был сам себе посторонним лицом*).

ЛГ М. Гофайзена – это исключительно **Я**: Я люблю, что поддерживается также и косвенным дополнением *меня*: от меня ускользнёт птица-земля. Этот взгляд на описываемые явления **со стороны Я** ЛГ ясно прослеживается во всем триптихе, даже если это **Я** формально не выражается и описываемые явления имеют общий (философский) смысл.

Остальные глагольные формы здесь также употребляются для обозначения действий других субъектов: борей обрывает; запах насыщает; змея-коля выйдет; трясётся шалаш бытия; ускользнёт птица-земля; звук проскользнул; дождь-шелкопряд шелестит; кровь обращается (*в камни*);

стольку именно душа объединяет, а не разъединяет, и делает всех участников действия равноправными... История русских слов максимально полно отражает представление о соборности в противопоставлении к личной отчужденности: *думать, веселиться, дивиться*, а также *срам, беда* и проч. отражают соборное действие, тогда как соответствующие им слова *мыслить, радоваться, чудиться, стыд, горе* и проч. выражают индивидуальное... Соборность – вовсе не «сборность элементов», а именно та целостность, которая и определяет все особенности русского менталитета». Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». СПб., 1999. С. 135 – 136.

напевает Давид; отсутствует зренье; консьерж путает; мотыльки слетелись; голубь сбился (с пути); флюгер-пичужка ищет; слышится шаг или шарф (Терпсихоры); зоил ищет; [зоил] что отслужил; будет эхо скитаться; вращаются оси (пазубы); дискобол (не) добросит; отзвенел восклицательный знак; бьётся маяк; (кораблям) что затонули; время расплатилось.

Всего – 24 предикативные группы, то есть 24 суждения.

Здесь отметим безличные употребления глаголов: *слышится 2*, «со стола» не *подняться* «за стол». А также устойчивого глагольного словосочетания *с ума* (не) *сойти* в составе деепричастного оборота: *флюгер-пичужка ищет, стараясь с ума не сойти*.

Вторым отмеченным нами признаком русской ментальности у В. В. Колесова является то, что «качество воспринимается как основная категория в характеристике вещного мира». «Признаки, выявляющие качества», в поэтических произведениях выражаются главным образом с помощью эпитетов (в самом широком смысле). Остановимся на их рассмотрении.

Эпитеты у О. Горшкова.

А) Эпитеты, выраженные прилагательными и причастиями в функции согласованного определения: *осенние, чужие языки; тарабарщина темная; облетающие скверы; безымянный лингвист; поздняя внезапная наука; оброненный лист; неясная тоска; домовитая тьма; растрепавшийся вяз; ветвистая повесть, постороннее лицо; немые стихи; посторонние лица; рыжевато-серые травы; муравьиное и сверчковое, редящее насельничество; тенета паутинные; чердачно-чуланная тьма; тьма, связавшая (время); бессмертная моль; покинутые вещи; шипучка аспириновая; горячие щи; малый выдох ветра; бегущая жизнь; телесность человечья; все свои двенадцать колен; осенний хлам*.

Всего – 31 эпитет.

Б) Эпитеты, выраженные наречиями в функции обстоятельства: *неуемно шелестит; начинается сызнова; проговаривать неспешно; почти на-*

распев бубнит; [ветер] *сотворит сполна (тебя из праха)*; [скверам] *скоро тлеть непостижимо праздно и беспечно*; [всё, что существует на земле], *вновь обретет (телесность человечью)*; повторяя *усердно (слова)*; *немые стихи тоже [*есть] сплошь посторонние лица*.

Всего – 13 эпитетов.

Г) Эпитет – прилагательное в составе сказуемого: [языки] *казались бес-связней*; *что есть в тебе живого*; *будешь ты рассеян*.

Всего – 3 эпитета.

Д) Эпитет – имя существительное: *словарь тишины*; *шелест листьев*; *хлеб причащенья*; *выдох ветра*.

Всего – 4 эпитета.

Е) Эпитет – инфинитив: *блажь проговаривать, принимать*.

Всего – 2 эпитета.

В целом – 53 эпитета.

Эпитеты у М. Гофайзена.

А) Эпитеты, выраженные прилагательными и причастиями в функции согласованного определения: *раскосый борей*; *последние росы*; *бесноватые поля*; *алкоголь лесной*; *человеческая раса*; *смертоносная птица-земля*; *закрытые ставни*; *бессменный консьерж*; *сонное бессмертье*; *жёлтая чернильница*; *желчный зоил*; *осенняя делянка*; *багряная беглянка*; *разбитые судьбы*; *запаянная склянка*; *путаает звенья с сонным бессмертьем*.

Всего – 16 эпитетов.

Б) Эпитеты, выраженные наречиями в функции обстоятельства: *люблю и сильней и больней*; *вероломно сменив оперенье*; *еле-еле насыщает*; *то ли точка [*видится] внизу то ли пуля*; [время] *ползком да тишком расплатилось по полной*.

Всего – 8 эпитетов.

В) Эпитет – имя существительное: *тленья елей*; *пагубы оси*; *змея-коля*; *птица-земля*; *дождь-шелкопряд*; *флюгер-пичужка*.

Всего – 5 эпитетов.

В целом – 29 эпитетов.

Таким образом, наблюдается значительное преобладание эпитетов в стихотворениях О. Горшкова (53 к 21) и значительное преобладание суждений в стихотворениях М. Гофайзена (24 к 13). Следовательно, в данном случае основу стихотворений О. Горшкова составят текст-описание (**бытийность**), М. Гофайзена – текст-повествование (**событийность**).

Относительное преобладание эпитетов в текстах О. Горшкова свидетельствует о тенденции к живописанию, к наглядности, картинности, конкретности и т. п. создаваемых образов. Относительное преобладание существительных-понятий и суждений в текстах М. Гофайзена выявляет тенденцию к созданию логических, умственных, рассудочных и т. п. образов.

Выше уже говорилось, что наиболее ярко национальный дух языка проявляется в лексике и идиоматике, во внутренней форме слов и мотивированных фразеологизмах, в их своеобразных коннотациях разного рода., особенностях употребления и т. д. Все это часто является причиной значительных сложностей, возникающих при переводе слов и идиом русского языка (особенно их конкретных употреблений) на другие языки в **надлежащем** качестве. Несомненно, можно перевести собственно понятийный смысл того или иного слова (словоупотребления). Но национальный дух языка принципиально передать невозможно.

Два небольших примера.

1. В нашей стране, когда вывешивают портреты преступников, пишут: «**Разыскивается**» или «**Розыск**». Внутренняя форма этих слов (мотивировка, деривационный признак) вполне очевидна: (-иск-/-ищ'-) *искать* – *разыскать* – *разыскивать* - *розыск*. Словом, преступника у нас именно *ищут*.

В Англии и США в аналогичных случаях пишут: «**Wanted**». Буквально «хотимый, желаемый, требуемый» и т. п. В данном случае признак наименования *want* (хотеть, желать, нуждаться), то есть в преступника *хотят, желают, требуют*.

2. Особенно заметные сложности возникают при переводе на другие (даже родственные) языки эмоционально-оценочные синонимы нейтральных слов, так как они почти всегда обладают ярким национальным колоритом. Так, перевод нейтрального глагола *хотеть* (*Я хотел позвонить ей*) никаких трудностей не вызывает: *I wished, I wanted (to call her)*. Перевод нейтрального безличного глагола *хотеться* («*мне хотелось позвонить ей*») на английский язык уже возможен только личными формами: *I wished, I wanted, I would like (to call her)* и т. п. Перевод разговорного эмоционально-оценочного синонима *подмывать* («*меня подмывало позвонить ей*») возможен либо с помощью тех же личных форм, либо с помощью аналитических нейтральных конструкций типа: *I felt (had) an urge (to call her), I can hardly keep myself from (calling her)* и т. п. В английском языке также возможно употребление в определенных случаях и определенных конструкциях эмоционально-оценочных слов: *I was tempted (to call her)*. Буквально «*Я был искушаем, соблазняем (позвонить ей)*», «*меня искушало позвонить ей*». *I had an itch (to call her)*. Буквально «*Я имел зуд ('нестерпимое стремление') позвонить ей*», «*у меня был зуд позвонить ей*». *I itched (to call her)*. Буквально «*Я «зудился» позвонить ей*», «*меня «зудило» ('надоедливо, докучливо тянуло') позвонить ей*». Однако в этих употреблениях проявляются собственно англо-саксонская ментальность, что обусловлено собственной, отличной от русской («*мытьё*»), внутренней формой переносных значений глаголов *to tempt* («*искушение*», «*соблазн*») и существительного *itch* («*зуд*»).

Наиболее близким глаголу *подмывать* в польском (родственном русскому) языке, скорее всего, будет глагол *kusić* – «*искушать*» (*меня подмывало... – mi kusilo...*). Однако русский и польский глаголы также значительно различаются своей внутренней формой: русский – («*мытьё*»), польский – («*искушение*»), то есть также выражают разные (русскую и польскую) ментальности.

Естественно полагать, что *исконная* русская ментальность будет проявляться, прежде всего, в *исконной* русской лексике¹¹.

Остановимся подробнее на рассмотрении лексики стихотворений с этой точки зрения.

В стихотворениях О. Горшкова.

I. Исконная лексика.

1) Нейтральные слова исконного происхождения: *ветер* 3, *вновь*, *есть* ('иметься') 2, *жизнь*, *лист*, *лицо*, *осенний*, *осень*, *посторонний*, *тьма* 2, *безымянный*, *беспечно*, *бессвязный*, *бессмертный*, *бог*, *ветвистый*, *внезапный*, *возвращаться*, *воздух*, *времена*, *вселенная*, *выдох*, *вяз*, *гореть*, *горячий*, *длиться*, *домовитый*, *дупло*, *живой/живое*, *забвение*, *запах*, *земля*, *знаток*, *колени*, *ладонь*, *лукавить*, *малый*, *местечковый*, *муравьиный*, *нараспев*, *наука*, *начинать*, *начинаться*, *немой*, *неясный*, *обучение*, *падать*, *паутинный*, *повесть*, *поздний*, *пора*, *почти* (нареч.), *почувствовать*, *праздно*, *принимать*, *проговаривать*, *пузырёк*, *пылиться*, *рука*, *рыжевато-серый*, *скоро*, *словарь*, *слово*, *слушать*, *смочь*, *совладать*, *сотворить*, *сплошь*, *сполна*, *стебель*, *стихи*, *существо*, *сущность*, *телесность*, *темный*, *тишина*, *тлеть*, *тогда*, *тоска*, *трава*, *тьма*, *усердно*, *хлам*, *хлеб*, *целое*, *часть*, *человечий*, *чужой*, *щи*, *яблоко*, *язык* 1. **Всего – 102 словоупотребления.**

2) Формы деепричастий нейтральных исходных глаголов: *доверившись*, *утверждая*, *повторяя*, *став*, *размешав* 1. **Всего – 5 словоупотреблений.**

---

¹¹ В дальнейшем значения слов и их лингвистические характеристики даются по: Словарю русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999 (далее – МАС). Этимологические сведения даются по словарям: 1) МАС; 2) Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, тт. 1 – 4. М., 1964 – 1973 (далее – Фасмер); 3) Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13 560 слов: Т. 1 – 2. М., 1994; 4) Шанский Н. М. И др. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.

3) Формы причастий нейтральных исходных глаголов: *бегающий, облетающий, образованный оброненный, покинутый, рассеянный, растрепавшийся, редующий, связавший*. 1. **Всего – 9 словоупотреблений.**

4) Словообразовательный неологизм от исконной основы: *насельничество* 1. **Всего – 1 словоупотребление.**

5) Книжные слова исконного происхождения: *обретать* 1. **Всего – 1 словоупотребление.**

6) Разговорные слова исконного происхождения: *неуемно, сызнова, тарабарщина (собственно русское)* 1. **Всего – 3 словоупотребления.**

7) Просторечные слова исконного происхождения: *дух* (в значении 'запах, аромат'), *тенёта* 1. **Всего – 2 словоупотребления.**

8) Устаревшие слова и формы слов исконного происхождения: *мудрец, разъяв (разг.)* 1. **Всего – 2 словоупотребления.**

9) Звукоподражательные слова исконного происхождения: *сверчковый, шелест, шелестеть, шипучка* (от звукоподражательного глагола *шипеть*) 1. **Всего – 4 словоупотребления.**

10) Фонетическое написание исконного по происхождению слова: *скворешня* 1. **Всего – 1 словоупотребление.**

11) Слова, заимствованные из церковнославянского:

А) Нейтральные: *вещь* («ср. ст.-слав. вѣшь» (Фасм.)), *существовать* («ср. ст.-слав. сы, сѣшти» (Фасм.)) 1.

Б) Церковные: *причащение* 1;

В) Фонетические варианты: *блажь* («цслав. заимств., вместо исконнорусск. *бологъ» (Фасм.)), *завладеть* («ср. исконнорусск. володѣть «владеть» (Фасм.)), *прах* («заимств. из цслав., вместо исконнорусск. Порох» (Фасм.)) 1. **Всего – 6 словоупотреблений.**

13) Фразеологические словосочетания исконного происхождения¹²:

---

¹² Характеристика фразеологизмов дается по словарям: 1) МАС; 2) Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2008.

А) Экспрессивные: *с азов* 1.

Б) Устаревшие: *траченный молью* 1. **Всего – 3 словоупотребления** (условно).

ВСЕГО – 139 словоупотреблений, то есть **93,92%**.

II. Лексика, заимствованная из других языков.

Сквер 2 Аспиринный (словообразовательный неологизм), *вино, лингвист, спина, стихи, чердачно-чуланный* (словообразовательный неологизм) 1.

ВСЕГО – 9 словоупотреблений, то есть, то есть 6,08%.

ВСЕГО – 148 словоупотреблений (100%).

В стихотворениях Гофайзена.

I. Исконная лексика.

1) Нейтральные слова исконного происхождения:

Слышаться 3, душа, ель, искать, свет, стол 2, багряный, беглянка, бессменный, бессмертье, биться, больно, вероломно, вкус, внизу, восклицательный, вращаться, выйти, голубь, полянка, добросить, дождь, еле-еле, жёлтый, желчный, жильё, жнивье, запах, запой, затонуть, звено, звук, земля, змея, знак, зренье, камень, колесо, колея, край, кровь, лесной, луна, любить, маяк, мгла, мотылёк, напевать, насыщать, обращаться, обрывать, оперенье, осенний, ось, отзвенеть, отслужить, отсутствовать, пелена, песок, площадь, подняться, поле, ползком, последний, причина, проскользнуть, просо, псалом, птица, путать, путь, раскосый, расплатиться, ребро, рождение, роса, сбиться, сильно, следствие, слететься, слово, служба, слух, смертоносный, сонный, спасенье, ставень/ставня, страсть, судьба, тленье, точка, трястись, ускользнуть, человеческий, чернильница, шаг, шелкопряд, эхо 1. **Всего – 105 словоупотреблений.**

2) Формы деепричастий нейтральных исходных глаголов: *играя, оставая, сменив, стараясь, суля, юля* 1. **Всего – 6 словоупотреблений.**

3) Формы причастий нейтральных исходных глаголов: *закрытый, запаянный, затихший, обострённый, разбитый* 1. **Всего – 5 словоупотреблений.**

4) Книжные слова исконного происхождения: *бытие* («1. Филос. «3. Трад.-поэт. и высок.»), *пагуба* (устар. и высок.) 1. **Всего – 2 словоупотребления.**

5) Разговорные слова исконного происхождения: *бесноватый, морзянка, пичужка, скитаться, склянка* 1. **Всего – 5 словоупотреблений.**

6) Просторечные слова исконного происхождения: *посул, тишком*, 1. **Всего – 2 словоупотребления.**

7) Звукоподражательные слова исконного происхождения: *шелестеть*. **Всего – 1 словоупотребление.**

8) Слова, заимствованные из церковнославянского:
Фонетические варианты: *время* – («заимств. из цслав. вместо *веремя» (Фасм.)) 1. **Всего – 1 словоупотребление.**

9) Фразеологические словосочетания исконного происхождения:

А) Нейтральные глагольные: *с ума (не) сойти* 1.

Б) Нейтральные наречные: *до износа, плоть от плоти, по полной, на ощупь* 1.

В) Нейтральные в значении вводного слова: *без сомнения* 1. **Всего – 8 словоупотреблений (условно).**

ВСЕГО – 135 словоупотреблений, то есть 88,23%.

II. Лексика, заимствованные из других языков.

Алкоголь, Борей, Давид, декор, диск, дискбол, зоил, консьерж, корабль, пуля, раса, саламандра, Терпсихора, трасса, флюгер, шалаш, шарф, шешбеш.

ВСЕГО – 18 словоупотреблений, то есть 11,77%.

ВСЕГО – 153 словоупотребления (100%).

Таким образом, у О. Горшкова всего 148 употребления (100%), из которых 139 употреблений (93,92%) исконной лексики и 9 употреблений

(6,08%) лексики, заимствованной из других языков. У М. Гофайзена всего 153 употребления (100%), из которых 135 употреблений (88,23%) исконной лексики и 18 употреблений (11,77%) лексики, заимствованной из других языков. Хорошо видно, что процент употребления лексики, заимствованной из других языков, у М. Гофайзена практически в два раза больше, чем у О. Горшкова.

Заимствованная лексика является **неотъемлемой частью лексической системы современного русского языка**, участвуя, таким образом, в формировании современной русской ментальности, ее, можно сказать, трансплантированной области. Сама заимствованная лексика, как хорошо известно, неоднородна. Поэтому помимо количественных показателей необходимы также ее дополнительные характеристики, и прежде всего – характеристика по источнику заимствования и степени освоенности русским языком.

Практически все заимствованные слова, отмеченные в стихотворениях О. Горшкова, пришли в русский язык достаточно давно, прочно в нем закрепились и в значительной мере русифицировались.

Пять существительных в современном русском языке являются нейтральными: *вино, сквер, спина, стих*. Одно существительное имеет книжный характер: *лингвист*. Два прилагательных являются авторским неологизмами, образованными на основе заимствованных слов: *аспиринный* – словообразовательный неологизм (параллельное образование с *аспириновый*) от существительного *аспирин* – «[Нем. Aspirin]» (МАС); *чердачно-чуланный* – авторское составное прилагательное, образованное из двух нейтральных прилагательных *чердачный* и *чуланный*, которые, в свою очередь, восходят к соответствующим заимствованным существительным. *Чердак* – «Заимств. из тур., крым.-тат. *şardak* "балкон", караим. *şardak* "верхняя комната"» (Фасмер). *Чулан* – «Вероятно, в знач. "перегородка" заимств. из тюрк.» (Фасмер).

Большая часть заимствованных слов, отмеченных в стихотворениях М. Гофайзена, также пришла в русский язык достаточно давно и в значительной мере русифицировалась.

Одиннадцать существительных в современном русском языке являются нейтральными: *пуля, алкоголь, трасса, флюгер, раса, шарф, шалаш, саламандра, диск, дискбол, корабль*. Одно существительное является профессионализмом: *декор*. Одно существительное – экзотизм: *консьерж*. Одно – варваризм: *шеш-беш* (название игры в нарды в Израиле, являющееся жаргонизмом в русском языке)¹³. Три существительных являются именами собственными: *Борей, Терпсихора, Давид*. Одно существительное книжного характера является результатом антономасии: *зоил* – «[По имени древнегреческого ритора и критика Зоила, жившего в 4 в. до н. э.]». (МАС).

Таким образом, количество нейтральных заимствованных лексем у О. Горшкова составляет 92, 50% (5 из 8), у М. Гофайзена – 61 10% (11 из 18), то есть заметно меньше (примерно на 31%). Кроме нейтральных, у О. Горшкова отмечена одна книжная лексема (*лингвист*) и два словообразовательных неологизма (*аспиринный* и *чердачно-чуланный*). У М. Гофайзена одно существительное является профессионализмом (*декор*), одно – варваризмом и/или жаргонизмом (*шеш-беш*), одно – экзотизм (*консьерж*), 3 – именами собственными (*Борей, Терпсихора, Давид*) и 1 – тропом (антономасия – *зоил*).

Показательным являются также некоторые особенности создания художественных образов в исследуемых произведениях¹⁴.

Доминантными тропами у О. Горшкова являются эпитет (см. выше) и олицетворение. Персонифицируются же в рассматриваемых стихотворениях, говорят на своем языке и т. п. привычные, обыденные для русского человека предметы и явления, хотя и художественно переосмысленные. Это *облетающие скверы*, знатоки осенних, чужих языков; *тишина*, словарем которой

---

¹³ «ШЕШ-БЕШ (Нарды). Израиль» (<http://www.loveyplanet.ru/photo/6000>). «Шеш-беш - другое название игры в нарды (тюркск. "шеш-беш" значит удачную комбинацию цифр на кубиках - "шесть-пять")». Фима Жиганец. Издранное. Ростов-на-Дону, 1999 (http://lib.ru/NEWPROZA/SIDOROV_A/fima_izdrannoe.txt).

¹⁴ Художественные особенности стихотворений в полном объеме нами не исследуются. Это другая задача.

шелестит безымянный лингвист (то есть сама осенняя природа), *домовитая тьма*, овладевает дуплом и скворешней (жилищем вообще); *растрепавшийся вяз*, местечковый мудрец, почти нараспев бубнящий слова; *осень*, разъявшая тебя и всё, что есть в тебе живого, на множество также обычных предметов и явлений (*стебли рыжевато-серых трав, тенета паутинные, пузырьки шипучки аспириновой, шелест листьев, дух горячих щей, выдох ветра*); сам *ветер*, который вновь сотворит сполна тебя из праха.

Ведущий троп у Гофайзена – метафора. Весьма показательно, что все метафоры в его стихотворениях субстантивные, логизированные, часто многослойные с глубоким книжным подтекстом. Отмечается, по крайней мере, три типа метафор: генитивные метафоры: *елей тленья, шалаш бытия, пелена полей, саламандры багряной беглянки, диск луны*; изофункциональные им приложения: *птица-земля, змея-коля, дождь-шелкопряд, флюгер-пичужка*; субстантивы-мифологизмы: *Борей, Давид, Терпсихора, зоил*. Если добавить сюда еще и просто субстантивы, вроде *алкоголя*, то становится ясно, что весь образный строй стихотворений притянут к субстантивам-понятиям, что лишний раз свидетельствует о приверженности автора к логизированным образам.

Рассмотрим также (в целях сравнения) тропы, соотносящиеся с доминантными тропами в произведениях О. Горшкова.

1. Олицетворение. Если у О. Горшкова олицетворение является, можно сказать, образным стержнем стихотворений, то у М. Гофайзена оно встречается фрагментарно, в виде своеобразных образных вкраплений в повествование. Объектами персонификации в данном случае являются не столь обычные явления, как у О. Горшкова. Это *змея-коля*, которая на трассе под колесами выходит из запоя; *птица-земля*, ускользающая от ЛГ, *флюгер-пичужка*, ищущий, стараясь с ума не сойти, на ощупь спасенье; *эхо*, скитающееся по делянке и оставляющее жильё и жнивье саламандрам багряной беглянки; *сама беглянка* (т. е. осень); *время*, которое ползком да тишком расплатилось по полной с песком за рождение в запаянной склянке.

2. Эпитет. Выше уже отмечалось значительное преобладание эпитетов в стихотворениях О. Горшкова (53 к 21). Отметим у М. Гофайзена индивидуально-авторские эпитеты-приложения: *змея-колея, птица-земля, дождь-шелкопряд, флюгер-пичужка*.

Отличительной чертой создания художественных образов у М. Гофайзена является также традиционное для всей русской поэзии обращение к мифологическим и библейским персонажам, а также употребление существительного, восходящего к имени древнегреческого риторика и критика Зоила: *с проса раскосый Борей обрывает последние росы, псалмы напевает Давид, слышится шаг или шарф Терпсихоры; в жёлтой чернильнице желчный зоил ищет слова о душе и декоре*¹⁵.

Примечательно в цикле М. Гофайзена и употребление заимствованного из греческого существительного *саламандра* – *будет эхо моё не моё / по осенней скитаться делянке / оставляя жильё и жнивьё / саламандром багряной беглянки*. Известно, что уже с древних времен саламандра являлась источником различных поверий и символов, «стала атрибутом персонифицированного Огня»¹⁶. *Саламандра* – «в средневековых поверьях и магии: дух ог-

---

¹⁵ Ср., однако, замечание А. С. Пушкина: «Читаю отчет какого-нибудь любителя театра – сия юная питомица Талии и Мельпомены, щедро одаренная Апол... боже мой, да поставь – эта молодая хорошая актриса – и продолжай – будь уверен, что никто не заметит твоих выражений, никто спасибо не скажет.

Презренный зоил, коего неусыпная зависть изливает усыпительный свой яд на лавры русского Парнаса, коего утомительная тупость может только сравниться с неутомимой злостью... не короче ли – г-н издатель такого-то журнала». Пушкин А. С. О прозе // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 16 томах. Т. 11. М., 1937 – С. 18 – 19.

¹⁶ «Саламандра – символ алхимического процесса обжига... Для алхимиков саламандра была духом стихии огня. При таком толковании, подкрепленном рассуждением Аристотеля, которое сохранил для нас Цицерон в первой книге трактата "О природе богов", становится понятно, почему люди верили в легендарную саламандру... Саламандра стала атрибутом персонифицированного Огня». Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия / Авт.-сост. д-р ист. наук, проф. В. Э. Багдасарян, д-р ист. наук, проф. И. Б. Орлов, д-р ист. наук В. Л. Телицын; под общ. ред. В. Л. Телицына. М. 2005.

ня» (МАС). Таким образом, «жильё и жнивье» (т. е. всё социальное и природное) «отдается на откуп» духу стихии огня средневековых алхимиков.

Отметим также употребления экзотизма *консьерж* и варваризма *шеш-беш* (слышится будто бессменный *консьерж* / следствий с причинами путает звенья / с сонным бессмертьем играя в *шеш-беш*).

Обращают на себя внимание в рассматриваемых стихотворениях и употребления слов и устойчивых словосочетаний с примечательной внутренней формой. Приведём некоторые примеры.

В стихотворениях О. Горшкова.

Лексемы: *домовитый, местечковый, тарабарщина*. И др.

Фразеологизмы: *траченный молью*.

Устойчивые предложно-именные словосочетания наречного характера:
с азов.

В стихотворениях М. Гофайзена.

Лексемы: *запой, раскосый, ускользнуть*. И др.

Фразеологизмы: *с ума (не) сойти, плоть от плоти*.

Устойчивые предложно-именные словосочетания наречного характера:
без сомнения, до износа, на ощупь, по полной.

Ярким национальным колоритом обладают также слова звукоподражательного происхождения.

У Горшкова: *сверчковый, шелест, шелестеть, шипучка*.

У Гофайзена: *шелестеть*.

* * *

Русская ментальность (по определению) выражается в речи каждого носителя русского языка «как родного». Но коль скоро речь каждого человека уникальна, то и выражаемая в ней ментальность уникальна (в рамках соотношения «общее – индивидуальное»). Сказанное, вне всякого сомнения, относится и к рассмотренному нами материалу. Стихотворения каждого поэта являются носителями *русской ментальности*, но по-разному в них воплощенной, можно сказать, в разных ее проекциях. В стихотворениях О.

Горшкова это, прежде всего, исконная, домовитая (если не домостроевская), патриархальная, провинциально-местечковая и т. п. ментальность. В стихотворениях М. Гофайзена ментальность, можно сказать, более «модернистская», существенную роль в которой играют трансплантированные элементы. Здесь, конечно, не содержится оценки. Это всего лишь констатация результатов анализа конкретных произведений. При сравнении других стихотворений результаты анализа вполне могут оказаться отличными от результатов данного исследования. Идеальным в данном случае, несомненно, можно считать сравнительный анализ всех стихотворений одного поэта со всеми стихотворениями другого.